

Глава 1

БОЛЬНОЙ — НАХОДКА ДЛЯ ЗДОРОВЫХ

— Следующий! — открыл дверь кабинета стоматолог и призывно сверкнул зубами. — Смелее же! Очередь враждебно молчала.

— Ну, у кого четвертая очередь? — настаивал врач.

Четвертая очередь была у хлипенькой девушки, но та всерьез собиралась в обморок, и врач устался на Люсю.

— Проходите! — мотнул он головой и обратился к девушке: — И вы тоже. Посмотрите — женщина уже в почтенном возрасте, а вырывает зуб без наркоза. Вы полюбуйтесь на нее — героиня! Ни капли страха в очах! Щечки розовые! Спинка прямая! Не пациентка, а ягодка!

Люся ягодку не напоминала даже отдаленно, разве что сухофрукт, однако браво расправила плечи, швыркнула носом и бодрым шагом вошла в кабинет.

Следом прошмыгнула девушка.

— Сейчас мы женщине... Девушка, а вы садитесь, я вам укольчик сделаю. Пока у вас будет замораживаться, мы тут с героиней поработаем, — лучился обаянием стоматолог.

Люся уселась в кресло и посматривала на дев-

чонку чуть свысока. Ох уж эти молодые! Боли терпеть совсем не умеют.

Девчонка слабо пискнула и притихла.

— Ну, теперь с вами... — потирал руки толстенный врач. — Что там у нас?.. Будем без наркоза делать? Здесь в общем-то зуб уже мертвый.

— Мертвый? Тогда никакого наркоза, — быстро предупредила Люся. — В прошлый раз новокаин так отходил, что от боли даже волосы поседели... у подруги, так я кричала. Нет уж, я потерплю. Тем более что все равно зуб мертвый, да?

— Конечно, мертвый, — пожал плечами врач и долбанул молоточком по больному зубу.

Люся подпрыгнула в кресле.

— Сидите спокойно, я же вам говорю — мертвый.

Врач ухватил какие-то блестящие штуковины, приладилась поудобнее и рванул.

В следующий миг от мощного Люсиного вопля хлипенькая девушка с замороженной щекой кузничком вылетела из кресла, у медсестры попадали инструменты из рук, а в коридоре послышался слоновий топот. Вероятно, остальные дожидавшиеся очереди пациенты решили прийти чуть позже.

— Ну вот и все, — вынырнул из ротовой полости счастливый стоматолог. — А крику-то, крику-то было! Подождите, я вам ваткой рот заткну...

— Я те жаткну! Рвач! Ты што выдернул?! Кто говорил, што зуб мертвый?! — возмущенно шепелявила Люся. — Жалко наркожа для нежной женщины было, да?!

— Но позвольте, чего вы кричите, нежная женщина? — в вежливом гневе вытарачился доктор. —

Вы же сами говорили, чтобы я к вам с уколom даже не приближался! И вообще, вы так непотребно кричали, что у меня, кажется, от ваших воплей челюсть вывихнулась. Позовите следующего!

Следующих не было, поэтому Люся могла от души насладиться беседой с доктором.

Хотя теперь, некоторое время спустя, Людмила Ефимовна Петухова шла по улице и об этом жалела.

— Вот и кто... кто за язык-то тянул?! — корила себя Люся. — Теперь жди неприятностей! Ну что за аномалия такая — никак нельзя мне голос повышать. Всем — можно, а мне просто никак!

Прохожие косились на женщину с перекошенной щекой, которая яростно размахивала руками и ссорилась сама с собой.

— Ну и что! — продолжала своеобразный диалог Люся. — А я не скажу Василисе, и все! Скажу, что врач мне благодарность вынес... вместе с зубом. Пусть Василиса гордится подругой.

Однако что-то ей подсказывало, что Василиса Олеговна не слишком поверит.

— Черт! — бормотала себе под нос Люся. — Что же у меня под кофтой-то так скребет? Неужели своего же крика напугалась? Или денег жалко — столько зубному отдала за такую-то боль? Или тревога какая? Наверное, просто кофта колючая попала. И все равно Васе ничего не скажу!

Люся с Василисой дружили давно. Они уже и сами не помнили, в каком году судьба столкнула их друг с другом, но с тех пор они больше не расставались. А так как ни у Люси, ни у Василисы Олеговны не было даже намека на мужей, то подружки даже поселились вместе, чтобы вторую квартиру сдавать

в аренду. И взрослая дочь Люси Ольга, которая давно жила отдельным домом, и семейный сын Василисы Павел решение матушек только приветствовали.

— Ох ты, совсем забыла, у нас же Павел... — пробормотала Люся.

Она тут же утерла нос платком и быстренько растянула одеревеневшие губы в горделивой улыбке.

Сегодня с утра, не было еще и восьми, как в доме раздался звонок.

— Кто там женщин от сна отвлекает? — загремела щеколдой Василиса.

Она хотела выразиться и еще крепче, но в дверь ввалилась невестка Лидочка и обрушила на мать чуть живого Павла.

— Василиса Олеговна, выручайте! — выдохнула молодая женщина. — Вчера наш герой девчонкам на лыжах марш-бросок устраивал. Решил, образно говоря, плюнуть в лицо морозу...

— Он что, сдурел, в такой холод плевать? Паша, ты больной, что ли? — покрутила пальцем у виска Василиса.

— Да, теперь больной, — подтвердила Лидочка. — А как вы догадались? Простыл. Температура. Больничный.

— Нет, ты посмотри, доплевался... Люся, хочешь на сибирского верблюда посмотреть? Его Пашей зовут! Лидочка, а девочки-то как? Катюша, Наденька, Ниночка?

— Ниночку я ему не дала, куда ей на лыжах, она босиком только-только ходить начинает.

И в самом деле — младшей ее дочери Ниночке не было и года, поэтому папаша позволил ей смотреть в окно, как они со старшими девочками закаляют организм.

— Вот изверг! — качала головой Василиса. — Старшая-то ведь только в первый класс пошла, а ну как бы застудил девчонок?

— Ну и что, что в первый! — разлепил красные больные глаза Паша. — Я вон в их годы — о-го-го!! Болел постоянно! А все потому, что ты меня, мама, никогда с собой на лыжах не брала. Правда, и сама не каталась. Вот и приходится сейчас... закаляться... Потому что я, мама, как ты знаешь, в милиции тружусь. А там всякие слюнтяи не нужны. Ой, мам, как бы мне на диванчик, а?

— Василиса Олеговна, вы уж нас простите, но пусть он у вас отлежится... — попросила Лидочка. — Дома, боюсь, детей заразит, да и покоя они ему не дадут.

— Конечно, конечно, — заторопилась Василиса. — Люся, найдем, куда больного Пашку пристроить?

— Вася, ну что ты его еще не уложила? — возмутилась Люся, подпирая рукой некстати разболевшийся зуб. — Парень стоять не может... Да, Паша, это тебе не преступников ловить. Пойдем, уложу.

Сын Василисы Павел Дмитриевич Курицын и в самом деле работал в органах милиции. Правда, сейчас он на грозу преступного мира совсем не походил — руки висели плетьюми, ноги подкашивались, а по лицу, как по градуснику, можно было ясно видеть — тридцать девять и четыре.

— Лидия! Что ты тут выкладываешь? — накину-

лась на невестку Василиса, видя, как та трясет сумками. — Что уж, мы не найдем, чем собственного сына на ноги поставить? И зачем пеленки притащила? Неужели он и подняться не сможет? Забери пеленки, мы ему не позволим в кровать мочиться. В крайнем случае утку найдем или еще чего придумаем...

— Это не пеленки, а простыни, — залезла в сумку с головой Лидочка. — Паша сейчас температурит, его так потом испарина прошибет, что не успеете простыни менять. Так я свои принесла, чтобы вам не стирать.

— Забирай! Простыни она мне притащила... — надулась Василиса. — Не утонет твой Паша, вылечим. А теперь беги. Мне еще морс варить. С Люсито помощница никакая, ей сегодня разлука с зубом предстоит...

Так что теперь Люся шла домой и облегченно вздыхала — с Павлом, пусть даже и с больным, им не страшны никакие неприятности. А у них с Василисой вечно что-то происходит, потому что умеют они ввязываться в разные истории, недаром же сыщицами себя считают.

Василиса встретила страдальицу с вытянутым лицом, но с горящими глазами.

— Жива? — коротко спросила она. — Ой, а перекосило-то... Ты знаешь, тебе с зубом лучше было... Но и так ничего, красивенько...

— «Красивенько»... Меня, может, там мучили, а я и не кричала совсем! Павел спит? — бурчала Люся, скидывая сапоги.

Василиса молча наблюдала, как подруга разува-
ется, и все больше грустнела.

— Вася, а ты чего такая бледная? Прямо будто бы ты лицом тесто месила! У нас что сегодня — оладьи? — неловко попыталась шутить Людмила Ефимовна.

— Вот, Люся, сразу видно, что у тебя что-то от-
тяпали. При чем тут тесто? У нас не оладьи, а твой
любимый салат — с крабовыми палочками и с суха-
риками.

— Да ты что, издеваешься, да?! Я только что зу-
ба лишилась!

— Ну и зачем так кричать? Можно подумать,
тебе кто-то в рот заглядывать будет, — обиженно
поджала губы Василиса и поплыла на кухню.

— А есть-то мне чем эти сухарики?! — взвилась,
не выдержав непонятливости подруги, Люся.

В любое другое время Вася бы немедленно
одернула ее, но сейчас только обреченно уселась на
табурет в кухне и глубоко вздохнула. Еще минут че-
рез пять Василиса стала нервно заплетать тощую
косу. Теперь Люся всполошилась не на шутку, ведь
на голове у подруги были, надо сказать, совсем не
кущи, и она это всячески скрывала — и маску мар-
гариновую творила, и киселем кудри поднимала, и
пивом сдабривала, но неблагодарные выглядели
сносно только после жесточайшего начеса.

— Вася! Что за прическу ты себе творишь? —
заволновалась за подругу Люся. — Что ты плетешь?
Что случилось, Вася?!

— Да... понимаешь... вроде еще ничего...

— Не лги мне, Василиса! В последний раз ты
такие тесемки из кудрей плела классе в третьем! Ты

ж терпеть их не можешь! А сейчас... Говори, я уже ко всему готова! — толкала ногой подругу Люся.

Та все ежилась, отталкивала Люсину конечность и правду говорить не решалась.

— Вася... Можешь меня не щадить... Немедленно скажи мне, что у нас стряслось? Я требую! — топнула ногой Люся. Потом глотнула побольше воздуха, поникла головкой и добавила: — Говори, Вася, Финли сгрыз мое пенсионное?

Финли был откормленным котом. Подруги в нем души не чаяли, он это знал и вытворял, что захочет. А жрал из вредности только мясо и документы, лишь изредка опускаясь до рыбы.

— Хорошо, я скажу... Нет, я лучше тебе покажу, — решила Василиса. — Пойдем.

Она на цыпочках прошла в комнату, где в подушках боролся с простудой Павел. Сейчас он спал. Рядом, на маленьком столике громоздилась целая батарея пузырьков с лекарствами, аккуратно лежали пакетики с таблетками и даже красовалась бутылка водки — исключительно для компрессов.

— Как он? — шепотом спросила Люся.

Василиса только махнула на нее рукой.

— Паша... Пашенька... — тихонько позвала она сына. Тот не реагировал, только звучно сопел. Тогда маменька, не задумываясь, бодро ткнула больного в бочок. — Пашенька, кто такая Клеопатра?

— Я же сказал! — вдруг взорвался Павел.

Люся от неожиданности ринулась вон из комнаты, но Василиса вовремя ухватила ее за руку. А Паша продолжал негодовать:

— Я тысячу раз говорил — у меня сотни дел! Некогда мне вашей Клеопатрой заниматься!

— Ва... — попыталась было вставить слово Люся, но Павел грозно ее прервал:

— Вот только не надо упрекать нашу несчастную милицию! Нет у меня людей! И времени на вашу Клеопатру нет! И я не порочу свои погоны! И вообще... Это же кошунство! Это святотатство! Тут никто не станет разбираться, потому что глухарь! Еще никто... Почему в моем кабинете лежит бивень мамонта? А где остальное? Ничего нельзя оставить... Лидочка, кто это у нас в комнате костер разводит?! Смотри ты, как горит, дружно занялось... Есть! Есть, товарищ ге... Всегда готов!

Павел явно бредил. Сначала он гневался, затем метался в тревоге и только на последней фразе вдруг обмяк и выдохся. Потом раскрыл глаза, посмотрел на женщин мутным взглядом и жалобно пролепетал:

— Мам, это ты? Морсика бы мне...

— Брусничного? — мигом подхватила Василиса. — Сейчас, сыночка, сейчас принесу, у меня уже готов. А ты пока таблеточку...

Люся уже поила бедолагу лекарством, Василиса принеслась с морсом.

— Паша, ты больше пей! А потом можешь спать, ворочаться, бредить. Вот интересно, а ты сам помнишь, что говоришь? — на всякий случай спросила мать. — Не отвечай, пей лучше морсик...

На какое-то время подруги были заняты только здоровьем Павла. Зато чуть позже, когда Павел уснул, дамы уютно устроились на кухне. Люся тупым ножом терзала лимон для чая, а Василиса звучно хлебала чай и сокрушалась:

— Вот ведь, знаешь, Люсенька, Павел-то, пока

бредил, такую ценную информацию просочил... Про какую-то Клеопатру. Кошунство, говорит, и святотатство! И никто еще такого дела не распутывал. Я теперь и не знаю, что дальше делать.

— А я так думаю... — сосредоточенно нахмурилась Люся. — Думаю, спать надо ложиться. Мы и дела-то никакого не знаем. И потом, уж если милиция руки умывает, нам соваться нечего.

— Эта Люся просто диверсантка какая-то, честное слово! — возмущенно сообщила холодильнику Василиса. — У какой-то несчастной Клеопатры назревают крупные неприятности, и вроде как она просит у Пашки помощи, а эта женщина... А еще Петухова Людмила Ефимовна называется! Она даже не собирается протянуть бедняжке руку помощи! Один, стервец, температурой обзавелся, слег, другая тоже... Прямо ужас, до чего эту Клеопатру жалко. Ты, Люся, кстати, не знаешь, кто это такая?

Люся навела чай, но, обиженно вздохнув, отодвинула кружку — после сегодняшней экзекуции у стоматолога в рот два часа не рекомендовалось ничего допускать.

— Главное, сначала меня диверсанткой обозвала, а потом... Мне вообще покой нужен...

— Вот вспомни, кто такая Клеопатра, и покойся!

— Клеопатра? Ну... у меня только одна знакомая с таким именем была — царица какая-то, мы по истории проходили. Так у нее неприятность давненько произошла — скончалась она задолго до нашего рождения. Красивая женщина была, говорят.

— Нет, это не она, точно. Пашка с царями себе такого тона никогда бы не позволил... — затрясла тощей косицей Василиса. — А кого-нибудь попро-

ще не помнишь? Дворника или маляршу? Кого-нибудь рабоче-крестьянского происхождения?

Люся не помнила. И вообще она не совсем понимала, чего это подруга заиклилась на больной говорильне несчастного Павла.

— Вот я, Люся, тебе просто удивляюсь, — начала выходить из себя Василиса Олеговна. — Ты понимаешь, что сейчас под угрозой репутация всей нашей милиции? А ты вот сидишь сейчас и равнодушно глазами хлопаешь! И еще скривилась вся!

Она в негодовании весь лимон бухнула в свою чашку.

— У меня же зуб выдрали! — пискнула Люся.

— И правильно сделали! Потому что ты никому не хочешь помогать. А у какой-то Клеопатры несчастье! А милиции некогда. И Пашка болеет. Ну, и какой напрашивается вывод?

Люся уже давно догадывалась какой, но до последней минуты надеялась, что на этот раз пронесет.

— Правильно! — прогремела Василиса. — Мы должны это дело взять в свои руки. Мы просто обязаны узнать, что за несчастье стряслось с бедняжкой Клеопатрой, и спасти ее. А то вдруг она на Пашку пожалуется! А у него трое детей! И кто их будет кормить? Ой, не хватайся за карманы, на твою пенсию мы даже тараканов прокормить не можем. Все денежки к Вальке-продавцу ушли!

— Вася, может, все не так страшно?

— Ой, ты лучше молчи, если помогать не хочешь! А он ведь про нее сейчас столько наговорил... И все посылает ее куда-то. А вот самого главного не сообщил — что с ней стряслось-то?! Однако ж

сама рассуди: просто так в милицию бы бабенка не обратилась, значит, грозит ей что-то...

— Может, милиция...

— Молчи, говорю! Ох, без нас ей никак, видать, не выкрутиться... Ну чего ты такая неактивная?! Чего молчишь-то все время? Еще и рот куда-то скособочила! Говори прямо, эгоистка, — не хочешь Клеопатру спасти?!

— Хорошо бы еще узнать, кто это такая, — буркнула Люся и вдруг разозлилась: — Ты вот даже не спросила, как я! А мне, между прочим, сегодня полчелюсти выдрали! И без новокаина! И никто не додумался меня спасти! А про какую-то Клеопатру ты, видишь ли, встревожилась. И с чего ты взяла, что ей нужна помощь? Мало ли что там твой Пашка в бреду придумал?! Он у тебя и в ясном-то уме не всегда умности говорит...

— Это плохо, что без новокаина. Сейчас бы ты сидела вся замороженная, язык бы у тебя онемел, и не могла бы ты такую ересь нести. Ну да, Пашка больной. Но так ведь в здравом-то уме он нам ни за что не проговорится! А женщина, может быть, мучается. И потом, Пашку могут и вообще вышвырнуть с работы, если дело не будет раскрыто. Сколько раз говорить-то уже?

— В таком случае твой сынок мог бы хоть в бреду рассказать, кто это такая!

Василиса взглянула на подругу с улыбкой все понимающей Джоконды.

— Ах, Люсенька! Эти мелочи я беру на себя, ей-богу, это не самое сложное, достаточно только немножко напрячь фантазию...

Вероятно, подруга напрягала фантазию всю ночь, потому что уже в девять утра следующего дня Люся проснулась от ее интригующего крика:

— Сони! Подъем! Кто первый догадается, какой сюрприз я вам приготовила?

— Неужели с Малышом погуляла? — не поверила Люся.

Малышом звали уже взрослого щенка черного терьера, который к подругам попал по нелепой случайности и ежедневно требовал прогулок, сытного питания и правильной дрессировки. Женщины к этому относились без восторга и частенько пытались столкнуть обязанности друг на друга. Иногда, правда, случалось, что дамы делали друг другу приятности. Вот и сейчас Люсе пригрезилось, что Василиса вскочила ни свет ни заря только затем, чтобы выгулять пса.

— Не угадала. Попытка номер два... — старательно веселилась Василиса.

Она цаплей вышагивала по комнате, теребила сонную подругу и хворавшего сына.

Люся от попытки отказалась и стала молча собираться выводить Малыша. А как только вернулась с прогулки, так снова услышала бодрые крики затейницы Василисы:

— Люся, садись скорее, мы уже устали тебя ждать.

И правда, в подушках моргал красными глазами Павел и нездорово зевал.

— Объясняю, — махала длинными руками Василиса. — Сейчас мы поиграем. Правила простые — я говорю какое-нибудь слово, и Паша говорит

первое слово, которое ему на ум придет. Начинаем! Яблоко...

— А чего это вдруг с меня начинаем? — снова зевнул Паша. — Если вам скучно, вы вдвоем и поиграйте, а я бы поспал лучше... У меня чего-то с глазами такое...

— Павел! Я сама читала, что веселые, спокойные игры помогают избавиться от температуры, насморка и даже камни из почек выводят. Так что будем лечиться. Ты — мужчина, да к тому же в любой момент уснуть можешь, поэтому веселые игры с тебя и начнем, — не потерпела возражений Василиса. — Давайте заново. Итак: море!

— Да уж, веселуха... — проворчал Павел.

Он уже хотел снова уснуть, но, взглянув на мать, послушно закатил глаза к потолку.

— Значит, море... э-э-э... Черное море. Каспийское, туда еще Волга впадает... Саргассово опять же...

— Паша! Прекрати паясничать! — разволновалась мать. — Говори первое, что приходит в голову. И быстро. Давай еще раз. Рыба...

— К пиву!

— Человек...

— С пивом!

— Беда...

— Без пива.

— Милиция...

— На работе не пью, — растерялся Павел.

Василиса расстроилась чуть не до слез. Она так славно все придумала — в игре Пашка должен был непременно проболтаться, какая такая Клеопатра заявлялась в милицию. А он... одно пиво на уме. Так и спиться недолго!

— Алкаш...

— Водка! — радостно выкрикнул сын.

— Это ты алкаш! Неужели кроме «пиво» и «водка» слов больше нет в русском языке? И это мой сын... — вопила Василиса.

Она вздернула руки к потолку и мимолетом оценила — хорошо ли смотрится свежий маникюр. Жест получился немного театральным, зато трагичным.

— Мам, ну у меня такая сухость во рту, и жар опять же... Я не знаю отчего, но так пива хочется, просто спасу нет. Опять же на больничном я, можно позволить бутылочку, — заканючил несознательный больной.

— Хорошо, — сжалилась над ним Люся. Она уже поняла, куда клонит подруга. — Мы тебе принесем бутылочку, но и ты мать уважь — поиграй, вспомни младенчество. Что ж делать, ты ведь знаешь, какой она азартный игрок.

Павел вздохнул, поудобнее устроился на подушках и приготовился отвечать.

— Несчастье... — снова начала Василиса.

— Радость.

— Клеопатра...

— Лошадь.

— Какая лошадь? — оторопела Василиса.

— А вон у вас книжка лежит на столе... Я прочитал, там про лошадь Клеопатру написано, — пояснил Павел.

Люся растерянно взяла книжку. Действительно, это была детская сказка про лошадку Клеопатру. Василиса недавно читала ее внукам.

— Эта не подойдет, — отвергла Люся. — Давай другую вспоминай.

— Ну, тогда парикмахерская, — уверенно заявил Павел. — Она у вас на углу находится. Я каждый раз мимо прохожу, и вывеска в глаза бросается. Там прямо так и написано — «Клеопатра». Эта пойдет?

Подруги задумались.

— А больше ты никакой не знаешь? — на всякий случай уточнила Василиса.

— Не-а. Ну, еще правительницу знаю, древнюю. Но она, наверное, тебе тоже не понравится.

Василиса вздохнула. Похоже, Павел и в самом деле больше никого не знал. Значит, несчастье должно произойти в парикмахерской...

— Мам, ты мне светлое пиво купи, ладно?.. — напомнил о себе сын.

Ночью Люсе снилось, будто она в супермаркете купила замороженную золотую рыбку. Та волшебным образом оттаяла и пообещала спасительнице исполнить одно желание. Люся немедленно пожелала превратиться в большую белую птицу. Рыбка принялась трясти плавниками, а Люся ужасно мучилась — на кой черт ей понадобилось становиться гусыней, лучше бы ремонт в квартире попросила сделать... «Ну, чего ты, лети теперь в теплые страны, не бойся... скорее...» — шипела замороженная рыбка, а Люся не могла — кто-то держал ее за красную лапу.

— Ну скорее же... — снова раздалось шипение.

Люся поняла, что сон уже кончился, но кто-то

так и продолжает цепляться за лапу... тьфу ты, за руку.

— Кто здесь? — вытаращила круглые глаза Людмила Ефимовна.

— Я здесь, не кричи, — тянула ее куда-то за руку Василиса. — Пойдем. Паша спит, опять бредить начал, давай у него сонного спросим про Клеопатру.

— Вася! Ну ты же мать, дай парню спокойно вылечиться. Чего его сонного пытаться?

— Нет уж, надо обязательно сонного. В сознательном состоянии он нам ни за что не откроется, тогда его и пытаться бесполезно.

— Вася, а вот я слышала, что больных нельзя пытаться...

— Ну чего ты упрямишься? Он все равно болтает черт-те что, так вместо того, чтобы попусту бредить, пусть лучше на вопросы отвечает — и нам польза, и ему не так скучно. А то чего ж он сам с собой-то... И никакого стыда. Ой, Люся, если бы ты знала, что он в бреде несет!

Люся побрела за подругой, сшибая на ходу журнальный столик и стулья.

— Тише ты, прямо никакой кошачьей поступи! — рассердилась та на нее. — Разбудишь.

Но Павел спал. И говорил:

— Лидочка! Ты мне... должна дать денег... на патроны... Мы с Юркой Пузыревым идем на охоту! Не на медведя, Лидия, на опасного преступника... А ты знаешь, сколько патроны стоят? Как бутылка водки и три бутылки пива! Лидия, страна в опасности, не жадничай!.. А на закуску дала? Лидочка, я тебя знаешь... я тебя даже где-то... уважаю...

Василиса не стала выслушивать нежную супру-

жескую болтовню, а бесцеремонно вклинилась в большое бормотание.

— Кто такая Клеопатра? — суровым шепотом произнесла она прямо в ухо сына.

— Опять Клеопатра? Я же говорил! — взорвался тот. — Это па-рик-ма-хер-ска-я! Еще вопросы есть?

— Никак нет! — по-боевому рывкнула Василиса.

Люся поспешила выскочить из спальни, чтобы свернуть к себе на диван. Однако Василиса ловко поймала ее за подол:

— Не время спать, подруга. Пойдем на кухню.

На кухне она шлепала босыми ногами, задумчиво грызла баранку и размышляла:

— Вот, видишь! Значит, все-таки парикмахерская... Сейчас же набросаем план действий.

— Вася. Предлагаю... глубоко подумать... до утра... — сонно пролепетала Люся и поднялась.

Пока подруга не опомнилась, Люся побрела до-сыпать, спотыкаясь о перевернутые стулья. Но едва она смежила веки, как над ухом снова раздался возбужденный шепот:

— Люся! Ты спи, спи, я тебе тихонько говорить буду. Нам опять надо заняться расследованием! А кто же, кроме нас-то? — шептала Василиса.

Она уже влезала на кровать и бесцеремонно толкала подругу к стенке, чтобы та подвинулась, — сегодня что-то сильно несло по полу, и стоять на нем босыми ногами было неприятно.

— Люся, значит, так, я завтра с утра...

— Василиса! Я уже уснула! У меня уже мозг строился на заслуженный отдых! Ну дай же поспать! — взорвалась Люся.

Подруга огорчилась. Опять Люсенька разоралась, и, как говорится, было только два способа заткнуть ей рот, но их никто не знал.

— Так я тебе сразу сказала — спи. Неужели трудно — спать и слушать? Я ж не полы тебя мыть заставляю! Ну и как с тобой идти на большое дело?

Стоит только что-нибудь запланировать с вечера, как прямо с самого утра все планы лопнут, точно мыльные пузыри. У Люси всегда так получалось. И в этот раз тоже. Нет, проспала она, как и полагается, — до одиннадцати, однако потом все пошло совсем не по плану. Не успела она привести Малыша с прогулки, как раздалась телефонная трель, и Василиса торжественно всучила ей трубку:

— Это тебя Канада.

Совсем недавно с Люсей произошло событие из ряда вон выходящее. Бывший муж (даже не муж, а так — бывший возлюбленный, а по совместительству отец Ольги) Виктор Борисович Таракашин вдруг обнаружил остатки совести. Он нашел Люсю с взрослой дочерью и твердо решил оформить сей старый союз по всем брачным законам. Бурные чувства объяснялись до обидного примитивно — в Канаде отец самого Таракашина пообещал оставить сыну солидное наследство, но при условии, что тот познакомит его хоть с одним законным внуком. Таракашин на Люсе не женился, но отца с Ольгой познакомил. Дедушке так полюбилась внучка, что он долго сокрушался из-за столь близкого родства (Ольга, чертовка, умела влюбить в себя мужчин), а

потом срочно сделал внученьке вызов. В данный момент Ольга находилась в Канаде, принимала от деда нескончаемые подарки и звонила Люсе почти каждый день. Дома у нее остались собаки, по которым она страшно тосковала, и муж Володя, о котором она не всегда вспоминала, но при случае прилежно заботилась. Сейчас звонила именно она.

— Мапочка! Ну как ты там? Как тетя Вася? Как у вас погода? — щебетала в трубку Ольга. — А как Малыш? А Финли? Господи, как я соскучилась! Мама, а как Карл? Как Володя? Он не трясет ушами? Это я про Карла. А Атос? Он в последнее время плохо ел, а у него скоро вязка. Господи, я их уже столько времени не видела!

— Оленька, доченька... — отчего-то всхлипнула Люся. — У нас все замечательно. Оля, ты бы приезжала домой, а? Все же тебя и Володя ждет, и мы опять же. Ну чего ты там застряла в этой Канаде? И сама ведь скучаешь уже...

— Ой, мамочка, просто ужас до чего скучаю, но приехать никак не могу. Тут у меня роман с одним молодым человеком...

— Оля! Какой роман? Какой...

— Последний, — быстро перебила дочь. — Я подсчитала, получается, что последний. Mam, ну мне ведь уже в этом году тридцать исполнилось... У меня кризис тридцатилетия, это моя лебединая песня, все! Поэтому приехать сейчас просто не могу. Мама, если бы ты знала, это такой мужчи-ина... Фигура! Рост! Глаза! Кстати, я тебя очень прошу — измерь Володе температуру, а то у вас там, я слышала, грипп какой-то ходит. И скажи, чтобы

собакам прививки сделал. Ты к нему забеги сегодня, ладно? А у меня...

Люся уже молча слушала ветреную дочь и не мешала той плескаться восторгом.

— Ну что? — спросила Василиса, когда Люся положила трубку. — Как она там? Какую любовь встретила на этот раз — пламенную или только племенную? Наверняка еще и привет просила Володе передать?

— Попросила к нему сходить, температуру измерить, а то, говорит, грипп тут у нас, — вздохнула Люся. — Вася, я и в самом деле сбегая, пожалуй. Ты меня дома подожди, а потом мы с тобой займемся парикмахерской, ладно? Сразу же. Я недолго.

— Люся, я понимаю, иди. Я, конечно, тебя подожду... — пожала плечами Василиса. — Подожду, подожду, можешь на меня положиться. Ты же меня знаешь!

Василиса проводила подругу, притащила из кухни стул, уселась перед трюмо и застыла. Сейчас требовалось решить, что полезного можно выудить из «Клеопатры». Идти в парикмахерскую, пусть даже по делу, и не извлечь никакой выгоды — это первый шаг к старости.

Люся спешила к дому зятя и в тысячный раз томилась вопросом — как же так получилось, что она дочь-то такую воспитала? Вот ведь у Васи Пашка какой верный семьянин... И Лидочку свою все время любит, и с детьми у него все как-то быстро получается — не успели оглянуться, уже трое, прямо не нарадуешься. А Ольга... В этом месте своих размышлений Люся тихонько всхлипнула. А уж как Володю-то ей было жалко...

Володю, видимо, жалела не только Люся. Не успела она позвонить, как дверь распахнулась, и на пороге показалась молоденькая девица, раскрашенная, точно пасхальное яйцо. От девицы веяло духами, сигаретами и немножко алкоголем. Володя с блаженной улыбкой вышел проводить гостью, но, увидев Люсю, залился багрянцем и стал поспешно выталкивать девушку за порог.

— Володя... что это она у тебя делала-то? — растерялась Люся. — А я тут... Меня Оля температуру просила... Кто это?

Володя тоже растерялся не на шутку — дышал как-то испуганно, метался глазами и нервно царапал себе кадык. Не растерялась только девчушка. Она уставилась круглыми навывкате глазами на Люсю и возмущенно изрекла сочным басом:

— Нет, ну, наве-ерное, я не просто так пришла, да? Ну, наверное, я студентка! Пряма не знаю, чего ходют... Володь, я там чего-то не поняла, завтра, значит, опять на консультацию приду.

— Завтра воскресенье, он отдыхает, — робко напомнила Люся, но девушку такое замечание снова искренне возмутило.

— Нет, ну понятно же, что я к знаниям стремлюся, да? А в воскресенье особенно. Володь, ты во сколько встаешь?

Володя просипел:

— В восемь.

— Значит, я тогда приду в пять минут девятого.

Люся потом измеряла температуру неверному зятю, что-то там разогревала на плите, кормила собаку, даже пожарила картошки. Но на душе у нее было так тяжело, что домой она отправилась совер-

шенно разбитая. Ей хотелось поскорее добраться до кровати, лечь и ни о чем не думать. А ведь дома еще ждала Василиса с какими-то своими блестящими идеями...

Василиса подругу и не думала ждать. Лишь только за Люсей закрылась дверь, как она тут же кинулась к зеркалу, а потом пристала с вопросами к Павлу.

— Паша, как ты думаешь, мне пойдет коротенькая стрижечка под мальчика? — спросила она сына. — Или лучше вот так вот волосики опустить, а здесь пустить пепельную прядку?

Тот на кровати лениво щелкал телевизионным пультом и в маменькины проблемы не особенно вникал.

— Я думаю...

— Я поняла, милый, значит, так и сделаю! А мне пойдет длинный маникюр? Паша, сколько в этом месяце стоит наращивание ногтей?

— В этом месяце я не наращивал, — отбрехался сын.

— Паша, не груби маме. Лучше скажи, какие стрижки сейчас самые дорогие? — продолжала Василиса.

Она то пялилась в зеркало, то растягивала лицо на разные лады и взлохмачивала волосы.

— Я придумала! Нарашу себе пышный чуб. Это меня сказочно украсит. Или лучше хвост!

Павел приподнялся на локте, внимательно посмотрел на мать и даже на некоторое время забыл про телевизор.

— Мама, откуда у тебя такие деньги? Ты обобрала нищего у ЦУМа?

— Сынок, ты хам. Я дико огорчена. У меня не размазалась помада? Значит, я побежала, а ты налей себе горячего молока и поставь на спину горчичники. По квартире не ходи. Если придет Люся, пока меня не будет, скажи, что я мусор пошла выносить. Кстати, тебе нравится мой новый брючный костюм? Как я в нем смотрюсь?

Новый костюм Василиса кое-как перешила из старого Пашкиного комбинезона, поэтому брюки с ее талии постоянно сползали, зато ложились внизу красивыми свободными складками и скрывали не совсем новые сапоги.

— Ну и как? Павел! Немедленно отвлекись от болезни! Говори — как я выгляжу?

— Нормально, мам. Только... А что, резинку нельзя было в штаны вдеть? Чего они у тебя спадывают?

— Резинка была, но она лопнула. А я теперь так, на пуговочках. А на дорогу шить нельзя, я лучше их поддерживать буду, — терпеливо объясняла Василиса, замирая у зеркала в самых темных позах. — А вообще — хорошо, да?

— Угу-м, — мотнул головой сын, не желая огорчать матушку.

Василиса последний раз взглянула в зеркало, в десятый раз мазнула по губам яркой помадой и выскользнула за дверь.

В парикмахерскую «Клеопатра» она направилась с самым лучезарным настроением. Какая же женщина не мечтает хоть раз в год отдаться в нежные руки мастеров, чтобы потом вынырнуть из са-

Оглавление

Глава 1	
БОЛЬНОЙ — НАХОДКА ДЛЯ ЗДОРОВЫХ	5
Глава 2	
ЮБИЛЕЙ В БЕЛЫХ ТАПОЧКАХ.	46
Глава 3	
ТОРТ СО ЗМЕЯТИНОЙ	86
Глава 4	
«НЕ ВХОДИ — УБЬЕТ»	127
Глава 5	
ПО ЛЕЗВИЮ КУХОННОГО НОЖА	164
Глава 6	
КУДА МОЛНИЯ БЬЕТ ДВАЖДЫ?	213
Глава 7	
КТО ТЯНЕТ ЗА ЯЗЫК?	266